

Глава 19

Завтрак

Вымыв руки, Су И первым делом вытащил из колодца ведро с арбузом, как и велел юноша. Затем он зашёл в главную комнату и вынес два рулона плотной пеньковой бумаги.

Эту бумагу пропитывали тунговым маслом: она отлично защищала от ветра и дождя, не боясь сырости, но и стоила немало — по пятнадцать вэней за чи. Обычные деревенские жители закрывали окна простыми соломенными циновками: когда нужно — опускали их, когда нет — сворачивали или подпирали палками. Циновки обходились дёшево, но пропускали сквозняки, мокли и совсем не держали тепло зимой. У масляной же бумаги, если не считать цены, недостатков не водилось.

— Решил заклеить окна? — спросил Су Лин, наблюдая, как Су И возится с плоской свежесваренного клейстера.

— Угу.

Юноша, склонив голову набок, смотрел, как мужчина аккуратно наносит клей на деревянные рамы.

— С виду такой неотесанный, а руки, оказывается, золотые, да и глаз верный.

Помощник ничего не ответил, но его спина стала ещё прямее, а движения — заметно быстрее.

Он заклеил два окна: в спальне Су Лина и в задней пристройке, где тот обычно мылся. У Су И был чуткий слух, и он всякий раз замечал, как хозяин дома, боясь зажечь свет в купальне, впотьмах торопливо плещется, пугаясь каждого шороха. Возможно, если закрыть пустые проёмы бумагой, отгородившись от пугающей черноты гор за окном, Су Лин станет хоть немного смелее.

Конечно, страх перед тёмным лесом был лишь одной из причин. Больше всего юношу изводило чувство незащищённости — окна были разбиты, и ему вечно казалось, что кто-то может пройти мимо и заглянуть внутрь. Су И, привыкший обливаться холодной водой прямо посреди двора, пока не мог до конца понять этих терзаний, но интуитивно старался их облегчить.

Позже, когда ужин был закончен, пришло время арбуза. От ледяной корки всё ещё веяло приятной колодезной прохладой.

Они уселись на каменные ступени под навесом, вгрызаясь в сочную мякоть и созерцая луну. С гор тянуло свежим бризом, который, проносясь сквозь дом, ласково перебирал их волосы. В воздухе плыл густой аромат двух кустов османтуса, зацветающих в начале осени, — этот запах

проникал в самую душу, даря покой. Скрипели сверчки, и даже лунный свет казался в этот вечер необычайно нежным.

Сытый и довольный, Су Лин почувствовал, как его одолевает дремота. Голова Братца Лина медленно склонилась к деревянному столбу, но вместо твёрдого дерева он вдруг ощутил под щекой крепкое плечо — рука Су И успела перехватить его первой.

Этой ночью юноша не вскрикивал во сне от кошмаров. Вдыхая сухой и чистый аромат свежей соломы, он проспал до самого утра, и его спутник, убаюканный мерным дыханием хозяина, тоже погрузился в глубокий сон.

***

На следующее утро небо расцветилось нежными красками зари. Глядя на горизонт, можно было с уверенностью сказать: засуха продолжится, и дождя в ближайшее время не предвидится. Горы едва начали проступать из предрассветных сумерек, придавленные густым туманом, от которого полевые травы сгибались под тяжестью росы.

К этому времени Су И уже был на ногах. Кое-где на межах и горных тропах уже виднелись фигуры крестьян с плетёными коробами за плечами — жители деревни Уси спешили в лес. Каждый хотел воспользоваться погожими днями, чтобы собрать кукурузу, принести её домой и хорошенько просушить. В удачные годы, когда урожай хватало не только на корм свиньям, излишки везли в город на рынок.

Впрочем, кукуруза стоила гроши. За триста цзиней зерна, в зависимости от его качества и полноты, можно было выручить от ста до ста пятидесяти вэней — этих денег едва хватало, чтобы покрыть осенний налог.

Закончив с кукурузой, крестьяне могли передохнуть лишь несколько дней. Обычно в это время они отправлялись в горы за лесными дарами, а после дождей собирали грибы на продажу. Совсем скоро наступала пора жатвы риса, так что те, чья жизнь зависела от земли и леса, практически не знали отдыха. Именно поэтому в деревне вставали затемно.

Когда первые горцы проходили мимо старого дома, мужчина уже вовсю расчищал обочины дороги. Деревенские провожали его любопытными взглядами: лицо незнакомое, но гадать не приходилось — это был тот самый человек, которого привёл Су Лин. Глядя, как он спозаранку, по колено в росе, выкашивает сорняки, люди одобрительно кивали — видать, работающий попался, будет юноше надёжной опорой в хозяйстве.

Тропинка, ведущая в горы, проходила метрах в десяти от двора. За лето она так заросла, что сорняки поднялись выше пояса. Всякий раз, пробираясь по ней, Су Лин обдирает руки о колючки. К тому же густые заросли так и манили змей и насекомых, придавая дому заброшенный, унылый вид.

Разобравшись с водостоком за домом, Брат И принялся за территорию перед воротами. Со временем он планировал всё здесь обустроить: если Су Лин захочет, можно будет посадить цветы или лекарственные травы, а можно — обнести бамбуковым забором загон для птицы.

К тому моменту, когда Су И закончил расчистку, поток людей на тропе заметно увеличился. Каждый проходящий считал своим долгом заглянуть на пустующий прежде участок, выказывая явное любопытство к двору за новым бамбуковым забором.

«Что это он там варит? Запах — просто объедение!»

Аромат напоминал наваристый куриный бульон, но пах он куда изысканнее и тоньше. Этот запах, просочившись сквозь щели в окнах, добрался и до спальни Су Лина.

Братец Лин всё ещё лежал с закрытыми глазами, но его нос забавно дёрнулся, ловя аппетитную струю. Он перевернулся на другой бок, лицом к стене, намереваясь обнять одеяло и поспать ещё немного, но аромат был слишком соблазнительным — через пару мгновений сон как рукой сняло.

Натянув одежду, он по привычке глянул в окно, но тут же вспомнил, что Су И заклеил его бумагой и теперь не разглядеть, что творится во дворе. Стоило Су Лину открыть дверь, как Сяо Хэй, дежуривший на пороге, радостно бросился ему под ноги, виляя хвостом и всем телом выражая восторг.

— Как вкусно пахнет! Что ты там готовишь?

Над котлом клубился густой пар, разнося по двору божественный аромат. Су Лин невольно сглотнул слюну. Сяо Хэй замер на ступенях, не сводя преданного взгляда с котла. Юноша легонько потрепал щенка:

— А ты у нас, оказывается, сама дисциплинированность.

Малыш и рад бы был подбежать поближе, чтобы обнюхать котел, но один лишь строгий взгляд Братца И заставил его поджать хвост и виновато занять пост у дверей комнаты хозяина.

— Суп с курицей и крахмальной лапшой, — ответил мужчина.

Для супа он использовал ту самую птицу, что принесла Ши Синцзюй. Мужчина взял лишь половину тушки для наваристого бульона, решив приготовить вторую часть как-нибудь иначе.

Он поднял деревянную крышку, и в нос Су Лину ударил тягучий, плотный аромат. В золотистом бульоне, подёрнутом тонкими янтарными искрами жира, плавали ягоды годжи и красные финики. Прозрачные нити лапши выглядели мягкими и нежными — всё вместе это выглядело донельзя аппетитно.

— Откуда у тебя лапша?

Ягоды годжи и финики можно найти в лесу, если потратить время, но Братец Лин точно помнил, что лапшу его помощник не покупал.

— Третья тётушка вчера утром принесла.

Су Лин понимающе хмыкнул — видать, он проспал этот визит. Закончив с умыванием, он с нетерпением принялся за еду.

В их краях из-за высокой влажности любили острое, и юноша не был исключением. Но этот суп — наваристый, с лёгким сладковатым оттенком фиников и совсем не жирный — казался идеальным бальзамом для желудка. Су Лин сделал глоток бульона, втянул порцию лапши и довольно зажмурился.

— Су И, а у тебя талант к готовке.

— Осталась ещё половина курицы. Что хочешь на ужин? — поинтересовался Брат И.

— М-м-м... — Братец Лин был так занят поглощением лапши, что не смог вымолвить ни слова.

В уголке губ мужчины промелькнуло подобие улыбки. Он бросил взгляд на Сяо Хэя, который буквально исходил слюной от вожделения, и налил щенку миску бульона с лапшой. Как только миска коснулась земли, глаза пёсика вспыхнули от восторга.

Сяо Хэй принялся жадно лакать, но у него как раз начали резаться зубы, и длинные нити лапши путались, оборачиваясь вокруг его челюстей. Хозяин дома краем глаза наблюдал, как щенок отчаянно сражается с едой, в конце концов прижав скользкую лапшу передними лапами к земле, и звонко расхохотался:

— Какой же Сяо Хэй глупый!

— Он не глупый, — совершенно серьезно возразил Су И.

— Не глупый, так не глупый. Всего лишь собака, много ли там ума? — беспечно отмахнулся юноша.

Пока солнце поднималось над горами, окрашивая туман в золотистые тона, они не спеша доели завтрак. И как раз в этот момент во двор вошла группа из семи-восьми человек: все с корзинами за плечами и лопатами в руках.

— Братец Лин, что это у тебя так вкусно пахнет?

Впереди шла Ши Синцзюй. С виду жилистая и сухопарая, она вся буквально лучилась деловитостью и крестьянской смекалкой. А вот её сестра, Ши Синмэй, едва учуяв запах, сразу покосилась на пустой котел и недовольно проворчала:

— Ишь ты, Братец Лин, ешь деликатесы, а родной восьмой тётке и кусочка не оставил?

Пятая тётя тут же ощутимо ткнула сестру локтем в бок, призывая прикусить язык. Восьмой тётке ничего не оставалось, как с обиженным видом поджать губы.

Су Лин невозмутимо поставил пустую пиалу на каменную плиту. Что ж, родственнички и впрямь явились таскать камни.

— Это та самая курица, что дала Пятая тётя. Ещё половина осталась, приготовлю её на ужин для всех вас.

Только после этих слов лица присутствующих немного разгладились. Было бы несправедливо прийти спозаранку работать на Су Лина и остаться без завтрака. Впрочем, и тётушки, и невестки были тёртыми калачами: вкусив за последние годы сытой жизни, они уже не жаловали простую утреннюю кашу с соленьями. Зная, что у Братца Лина шаром покати, они, не сговариваясь, плотно поели дома яичными лепешками с закусками.

Но стоило им учуять аромат наваристого куриного супа, как всех обуяло горькое раскаяние — набитые животы вдруг снова затребовали еды. Особенно негодовала Ши Синмэй, отличавшаяся редкостным чревоугодием и ленью.

У восьмой тётки были мясистые губы и высокие скулы, усыпанные тёмными пятнышками. Сама она была рослой и крепкой — почти вровень со своим мужем. Ещё в девках она славилась привычкой отлынивать от любой работы, пользуясь тем, что в семье полно старших братьев и сестер. А когда подрос младшенький, Ши Синсянь, она и вовсе переложила на него все свои обязанности.

Если бы старший брат, Ши Синчжу, не женился на Юань Цзинцуй, с которой шутки были плохи, Ши Синмэй, пожалуй, так бы и сидела на шее у родителей. Но в молодости она была довольно милостива, так что с замужеством проблем не возникло. Правда, после свадьбы её ленивая натура расцвела пышным цветом. Муж, конечно, ругался, но ей всё было нипочём — хоть кол на голове теши.

То, что Ши Синцзюй умудрилась вытащить из дома эту «столетнюю черепаху», которую обычно и палкой не сдвинешь, стало для Су Лина настоящим сюрпризом.